
Источник: Русская романтическая новелла. /Сост., подготовка текста, вступ. статья и примеч. А. Немзера; Худ. Б. Тржемецкий. -- М.: Худож. лит., 1989. -- 384 с ил. (Классики и современники. Рус. классич. лит-ра)

OCR и вычитка Титиевский Давид, Хайфа, Израиль, davidtit@land.ru, 10 июля 2003.

Посвящается О. С. А<како>вой

У меня был друг, с которым я вырос, воспитывался, с которым рука об руку вышел на поприще жизни. Он умер в цвете лет, в прекраснейшую минуту бытия, когда оно достигло, кажется, до высшей степени своего совершенства. Смерть была для него счастьем -- и я не смею роптать на судьбу, которая так рано раскинула темную тень по излучистой дороге моего странствия. Одна звезда светит мне теперь - - воспоминание. С удовольствием я думаю об утраченном, с удовольствием говорю об нем... Сколько любви кипело у него в сердце! Какими особенными, прекрасными свойствами отличался его ум! Он ясно видел священную цель, назначенную человечеству, и был убежден сердечно, что она будет достигнута. В восторге преклонял он колени пред теми помазанниками, коим провидение предоставляло славный жребий увлекать к ней толпы за собою. Он пламенно любил отечество и с гордостью находил в истории и настоящем времени залогов тех благодетелей, которые воздаст оно некогда роду человеческому. Науку ставил он выше всего, но не в мертвых буквах, а в живом умозрении, с сердечным участием; и в самом деле, знания составляли часть его тела, часть его бытия. Он радовался младенчески всякому благому успеху, общему и частному; любил людей и старался оправдывать их даже в самых предосудительных действиях. Кто знает, говорил он, какие впечатления, близкие или дальние, побудили несчастного к этому преступлению, и, может быть, оно есть математическое следствие прежних причин. При таком расположении духа личные враги, разумеется, не имели для него собственных имен. Самое зло он почитал только средством стеснительным, умножающим упругую силу добра; зла в природе, по его мнению, и не было; разве только добро отрицательное.

Этот молодой человек влюбился в одну девушку, достойную его священного жара. Читатели могут судить, какие чувства питал он к ней... Но всего лучше пусть познакомятся они с ним из собственных отрывков, которые нашел я в его бумагах и в которых, при всем беспорядке, небрежности, пропусках, ясно отражается прекрасная душа его.

"...Милая девушка! Как приятно мне разговаривать с нею, передавать ей свои мысли о святых предметах человеческого знания.-- Она понимает меня, чувствует всякое слово.-- Шиллер скорбел, что редко удастся найти такого человека между современниками, даже между потомками. Я нашел его.-- Разговор с нею мне наука: я сам яснее узнаю то, что хочу объяснить ей.-- Это желание дает мне новую силу, раздвигает пределы моей мысли...

Какую доверенность имеет она ко мне! -- Адель! Я не употребляю ее во зло. Я говорю тебе не то, что лепечут другие, часто противное -- но да не смеет ни один бессмысленный называть это ложью.-- Чистый, священный огонь буду я раздувать на алтаре непорочной души твоей. Они, жалкие, хотя и добрые невежды, оскверняют его неумовенными руками своими. Прочь! Прочь! не прикасайтесь!

Я прочел ей свое рассуждение о просвещении как первой силе государства, без которой нет ни твердого благосостояния, ни могущества. Ни одна новая мысль, ни одно новое выражение не ускользнуло от ее внимания. Это дорого для автора. Все оценено по достоинству.-- И какими взглядами выражались ее удовольствие и благодарность! Она слушала с таким участием, как будто б я читал ей пророчество о будущей ее жизни. Чистая, юная душа ее жаждет познаний; это умиленное зрелище, картина Рафаэлева.